

РЕСУРСЫ

Больше, чем нефть и газ

Новая стратегия ЕС по Центральной Азии готовит почву для европейских инвестиций в регион.

О том, как Брюссель ищет в этом регионе новых партнеров, для «Д» рассказывает экономический обозреватель **Биргит Ветцель**.

Биргит Ветцель

Для многих европейцев Центральная Азия остается белым пятном на карте мира. Лишь постепенно оно наполняется красками. Туристическая телереклама показывает насыщенную синеву неба и светящиеся бирюзовые купола.

Зато для Евросоюза Центральная Азия успела стать хорошо знакомым и важным регионом, где Брюссель смог найти новых партнеров. Летом нынешнего года Евросоюз презентовал новую стратегию по Центральной Азии и теперь намерен расширить деятельность Европейской службы внешних связей. География представительства ЕС на Востоке простирается до Бишкека — столицы Кыргызстана, граничащего с Китаем.

В ноябре 2017 года Федерика Могерини принимала участие в особом мероприятии. Под темно-синим небом Самарканда главы центральноазиатских государств и верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности собрались на сцене в резиденции узбекского президента. Послы, главы государств и министры съехались в столицу Узбекистана на конференцию ООН по вопросам безопасности и устойчивого развития в регионе. На их глазах складывается новое сообщество, включающее Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан.

С момента провозглашения независимости в начале 1990-х годов эти страны друг с другом соперничали, спорили о воде, природных ресур-

сах, границах. Потом случился украинский конфликт, отчетливо показавший: бывшие братские республики тоже могут быть агрессивны друг к другу. Не может ли такая ситуация повториться в Центральной Азии?

«Вместе мы сила», — гласит новое и вместе с тем старое знание. Меньше чем за 12 месяцев направляемые новым, вступившим в должность в декабре 2016 года президентом Узбекистана государства региона урегулировали многие накалившиеся годами конфликты и решили, что впредь нужно сотрудничать. Их договор о региональном сотрудничестве явился еще и подтверждением такого понимания.

Как следствие, для Евросоюза тоже началась новая эра. Брюссель оказывает новому сообществу консультативную поддержку. Многолетнее сотрудничество внутри ЕС в Центральной Азии считается образцовым.

То, что 20 лет назад удивляло, успело стать привычным. Верховный представитель Могерини нанесла не-

сколько визитов к центральноазиатским партнерам. Последний раз — в июле 2019 года по случаю региональной конференции в Бишкеке с участием министров иностранных дел Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Вместе они обсудили реализацию новой, второй по счету стратегии ЕС по Центральной Азии, официально опубликованной 15 мая. Первая стратегия по Центральной Азии была принята Еврокомиссией еще в июне 2007 года — единогласно. Ее цель заключалась в содействии поставкам каспийских энергоносителей в Европу, а также в поддержке самостоятельности государств Кавказа и Центральной Азии

и трансформации на пути к демократии и рыночной экономике. Первые конкретные шаги такой политики восходят к концу 1990-х годов. 18 ноября 1999 года президенты Турции (Сулейман Демирель), Грузии (Эдуард Шеварднадзе), Азербайджана (Гейдар Алиев), Казахстана (Нурсултан Назарбаев), Узбекистана (Ислам Каримов) и США (Билл Клинтон) подписали в Стамбуле на конференции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе меморандум о строительстве нефте- и газопроводов через Кавказ.

В силу широкой палитры геостратегических интересов определиться с маршрутом было непросто. Наконец 18 сентября 2002 года в Баку началось строительство трубопровода, а в 2006 году по нему на Запад пошла первая нефть.

Нефтепровод преодолевает горы высотой до 2830 м, пересекает 3 тыс. автомобильных и железных дорог, проходит по сейсмически опасным зонам, а также через восток Турции,

Федерика Могерини (в центре) во время мартовской встречи с руководителями министерств иностранных дел Средней Азии. Слева направо: Кайрат Абдрахманов (Казахстан), Эрлан Абиляев (Кыргызстан), Абдулазиз Камалов (Узбекистан), Сирожеддин Аслово (Таджикистан), Вера Хаджиева (Туркменистан)

уже не европейским консорциумом, а Азербайджаном и Турцией.

Строительство нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан преследовало ясную цель: поставки каспийской нефти на мировые рынки и вывод государств Центральной Азии из изоляции и зависимости от России в вопросе транзита энергоресурсов.

Первую стратегию ЕС по Центральной Азии от 2007 года можно считать успешной лишь с оговорками. Евросоюзу удалось расширить свои двусторонние контакты с центральноазиатскими государствами. Прежде всего между Казахстаном и Германией возникли новые связи, опирающиеся на мигрантов из числа российских немцев, которые в 1990-е годы возвращались в Германию. Однако реализованы планы регионального сотрудничества центральноазиатских государств и выстроить стабильную структуру двусторонней и региональной интеграции тогда не удалось.

Заработали нефте- и газопроводы через Кавказ. Но планы их продления в Центральную Азию через

Каспийское море потерпели крах. Россия, слабая в 1990-е годы, десятилетиями позднее вновь укрепила свои позиции и уже не была готова мириться с потерей доходов от сделок с центральноазиатскими ресурсами. Москва закупила газ и нефть в регионе, транспортировала их через территорию России и продавала Европе с солидной прибылью для себя. Однако война между Россией и Грузией в 2008 году показала, насколько уязвимы соответствующие трубопроводы.

Вместе с Ираном Россия годами блокировала запланированное западными государствами строительство трубопроводов по дну Каспийского моря. Это, в свою очередь, перечеркнуло планы прокладки новых трубопроводов в Центральную Азию, в том числе ставило крест на проекте «Набукко», который должен был связать Азербайджан и богатый газом Туркменистан с Центральной Европой, тем самым освободив постсоветские государства от все еще сохраняющейся зависимости от поставок газа лишь одной Москвой и соответствующей инфраструктурой.

Только 12 августа 2018 года, после 27 лет переговоров, пять государств, имеющих выход к Каспийскому морю, подписали конвенцию о правовом статусе Каспия, означающую новые перспективы для Европы и Центральной Азии.

Воля к региональному сотрудничеству и открытию Узбекистана означают принципиально новые

возможности. После интенсивных консультаций с центральноазиатскими политиками ЕС объявил о принятии второй стратегии по Центральной Азии.

Новая стратегия ЕС подхватывает поставленные ранее цели и вместе с тем учитывает новые реалии. Ее предметом по-прежнему остаются поставки газа и нефти на европейский и мировой рынок, однако теперь Евросоюз переносит акцент в Центральной Азии на трансфер знаний и сферу образования, профилактику заболеваний, борьбу с преступностью, охрану границ, а также предлагает помощь в деле укрепления демократии и рыночной экономики.

ЕС надеется, что это поспособствует стабилизации в соседнем регионе, измученном коррупцией, торговлей людьми, наркотрафиком и религиозным терроризмом. Последний использует интернет и современные средства транспорта, чтобы проникнуть в Европу. Новые планы ЕС включают проекты в том числе в интересах Афганистана.

В рамках новой стратегии по Центральной Азии ЕС подготавливает почву для инвестиций из Европы. Экономика в регионе все еще пребывает в упадке. Но есть большая надежда, что теперь (западный) — Д) бизнес захочет инвестировать в Центральную Азию. Чем слабее конъюнктура в ЕС, тем интереснее возможности в Центральной Азии. Востребовано практически все.

Воля к региональному сотрудничеству и открытию Узбекистана означают принципиально новые возможности

где курдское население может использовать его для давления на Анкару. Завершение строительства — это не только техническое достижение, но и подтверждение искусства политического и экономического расчета.

В 2007 году по второй трубе, проложенной по тому же маршруту — так называемому Южно-Кавказскому газопроводу, был пущен газ. На тот момент газопровод заканчивался в турецкой провинции Карс. Только после перерыва в несколько лет и решения непростых вопросов, связанных с финансами, маршрутами и участниками проекта, в ближайшее время должно завершиться строительство участка до юга Италии. Его финансирование осуществляется

РЕГИОН

Ближний Восток: смена вахты

Дональд Трамп выводит американские войска из Сирии. Тем самым он освобождает роль регионального блустителя порядка для России и устраняет препятствие для восстановления Башаром Асадом контроля над всей территорией страны. О перспективах политической ситуации в Сирии для «Д» рассказывает главный редактор немецкоязычного выпуска журнала Amnesty Journal **Маркус Бикель**.

Маркус Бикель

Американский президент не мог сделать большего подарка к 67-летию Владимира Путина. «Для нас настало время выйти из этих смешных нескончаемых войн и позволить нашим военнослужащим вернуться домой», — написал Дональд Трамп 7 октября в своем микроблоге Twitter. Так он анонсировал вывод почти 1 тыс. оставшихся в Сирии военных. Теперь «Турция, Европа, Сирия, Ирану, Ираку, России и курдам самим придется думать, что делать дальше».

Они уже подумали — прежде всего это относится к Владимиру Путину и к сирийскому диктатору Башару Асаду: в середине октября, спустя всего неделю после объявления Трампа о выводе войск, вооруженные силы обоих союзников вошли в Манбидж — через считанные часы после того, как десятки американских солдат оставили свои посты в пограничном городе на северо-западе Сирии.

Этот исторический момент знаменует собой совершенно новый порядок на севере Сирии после восьми лет войны. Ведь с завершением пусть немногочисленного, но эффективного присутствия США на трети сирийской территории курдские «Отряды народной самообороны» (YPG) лишились важнейшего зарубежного протектора. В условиях образовавшегося вакуума Россия рвется вперед.

Конечно, сирийско-русское наступление не стало исключительно реакцией на решение Трампа об уходе из Сирии. Оно последовало за вторжением турецких войск, которые по приказу президента Реджепа Тайипа Эрдогана 9 октября в рамках операции «Источник мира» вошли в 480-километровый коридор между Евфратом и иракской границей. В третий раз за три года и меньше чем через 48 часов после решения Вашингтона о спешном выводе войск без соответствующей необходимости.

Американцы ушли из Сирии. Вопрос, радостная ли это новость для России, остается открытым

Российская дипломатия воспользовалась узким временным окном, чтобы позиционировать себя в роли посредника между руководством курдских «Отрядов народной самообороны» (YPG) и режимом в Дамаске. Кремль также дал понять Эрдогану, что Москва считает «неприемлемым» постоянное присутствие турецких военных на сирийской земле, что и было закреплено на встрече в Сочи.

Новую роль России в качестве, возможно, важнейшего блустителя порядка на Ближнем Востоке Путин подчеркнул во время своей поездки в Абу-Даби и Эр-Рияд: впервые за 12 лет он посетил саудовское королевство,

Трампа... де факто дал Турции зеленый свет на третье военное вмешательство за три года

которое после начала восстания против Асада в 2011 году еще поддерживало сирийских ополченцев от оппозиции, но сегодня придерживается российской линии и смирилось с победой диктатора.

То, что возвращение сирийской армии на, возможно, безвозвратно утраченные территории четыре года спустя стало реальностью, дополнительно увеличивает вес Путина в Дамаске, пусть даже рост политического и военного влияния обусловлен не только умением Кремля вести переговоры, но и стратегическими просчетами США или других держав. «Нужно сказать, что важнейшие российские успехи в Сирии не являются результатом осознанных усилий Москвы», — считает эксперт по Ближнему Востоку из Российской академии Александр Шумилин. — Они просто свалились на Путина и на Москву как мантия небесная из-за странного поведения западных государств и Турции».

В таком свете решение Трампа предоставить сирийским ополченцам-курдам самим сражаться с турецкой армией стоит в одном ряду с решением его предшественника Барака Обамы. В августе 2013 года, невзирая на ранее проведенную «красную линию» — использование химического оружия, он не стал наносить воздушные удары по позициям сирийского режима. Позднее отступление с Ближнего Востока, на-

чало которому было положено президентом-демократом в Белом доме из-за его колебаний в связи с сирийским конфликтом, завершилось «ударом в литавры» — готовность Трампа оставить на произвол судьбы своих многолетних союзников, «Отряды народной самообороны», в борьбе с террористической организацией «Исламское государство». При этом важнейшим геополитическим игроком, которому такая тенденция на руку, оказывается Россия.

В самом Вашингтоне данная тенденция считается отнюдь не бесспорной — это показали ожесточенные протесты конгрессменов и сенаторов от Республиканской партии против решения Трампа. Еще в декабре 2018 года после первого заявления президента США о намерении вывести войска из Сирии в отставку ушли министр обороны Джим Мэттис и спецпредставитель США по борьбе с террористической организацией «Исламское государство» (ИГ) Бретт Макгерк. Джон Болтон, в сентябре освобожденный Трампом от обязанностей советника по национальной безопасности, тоже последовательно настаивал на сохранении присутствия США в треугольнике между Турцией, Сирией и Ираком.

Вероятно, это вполне отвечало интересам России. Москва не возражала против операции с участием начала 2 тыс., а под конец только 1 тыс. спецназовцев США еще и потому, что обе крупные державы преследовали в борьбе против ИГ одни цели, вопреки настоятельным призывам Эрдогана к «нейтрализации угрозы со стороны террористов из числа РПК и «Отрядов народной самообороны»». Но теперь, когда битва против «халифата ИГ», как представляется Трампу, закончилась, в начале октября он отказал курдам в дальнейшей поддержке и тем самым де-факто дал Турции зеленый свет на третье военное вмешательство за три года, хотя позже ввел и отменил против нее санкции.

Еще в 2016 году в ходе операции «Щит Евфрата» Эрдоган занял территории к западу от этой реки, а в начале 2018 года (операция «Оливковая ветвь») среди прочего — окрестности города Африн с преобладающим курдским населением. Многие из почти 200 тыс. беженцев, покинувших районы боевых действий, до сих пор не могут вернуться в свои дома и квартиры, поскольку территории остаются под контр-

одем связанных с Анкарой сирийско-арабских ополченцев. Не исключено, что такая ситуация повторится и на более восточных территориях, на которые нацелена операция «Источник мира».

Цель Эрдогана заключается в создании зоны безопасности в коридоре длиной 480 км и шириной 30 км, где среди прочего предлагается разместить 2 млн беженцев из Турции; расходы на крупномасштабное перемещение населения Анкара оценивает в \$26,5 млрд.

Однако установление турецкого протектората на сирийской территории едва ли увенчается успехом, что не в последнюю очередь обусловлено противодействием России. Еще на переговорах с Эрдоганом в середине октября Путин дал понять, что предотвращение столкновений между турецкой и сирийской армиями остается приоритетной целью сирийской политики Москвы, а при длительной оккупации силами Анкары их не избежать.

К тому же европейским государствам не следует идти на финансирование сопряженных с этническими чистками новых поселений сирийских беженцев. Спикер фракции «Зеленых» в Бундестаге по вопросам внешней политики Омид Нурипур напоминает газете «Петербургский диалог», что Россия по-прежнему играет далеко не конструктивную роль в связи с политическими переговорами о прекращении войны в Сирии. А российские военные самолеты по-прежнему наносят удары по позициям оппозиционных ополченцев в провинции Идлиб на северо-западе страны. «Мир не наступит без процесса примирения, а последнему препятствует проводимая Россией политика», — убежден Нурипур.

Штефан Либих, спикер фракции «Левых» в Бундестаге по вопросам внешней политики, тоже выражает сомнения, что Россия воспользуется своей ролью посредника на Ближнем Востоке для урегулирования конфликта, который начался в 2011 году с протестов против Асада. Если бы Кремль все-таки намеревался это сделать, Москве следовало бы остановить продажу ЗРК С-400 Анкаре аналогично тому, как некоторые европейские государства заморозили поставки вооружений Турции. Ведь «было бы абсурдом вооружать тех, кого собираешься останавливать военными средствами», — полагает он.